

УДК 343.9

А.Л. ФУРСОВ,

старший научный сотрудник

*Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал)
ГОУ ВПО «Российская правовая академия Минюста России»*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В ПРАВОСОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются вопросы формирования антикоррупционного правосознания в современной российской молодежной среде.

Ключевую роль в реализации государственной политики противодействия коррупции играет правовое образование и правовое воспитание молодежи как социальной группы, которой предстоит жить и работать в условиях демократии и рыночной экономики, создавать экономический, политический, интеллектуальный потенциал страны как правового государства.

С позиций нравственной естественно-правовой концепции О.Э. Лейста, право рассматривается как форма общественного сознания: «Слова закона остаются на бумаге, если они не вошли в сознание и не усвоены им. ... Поэтому право – не тексты закона, а содержащаяся в общественном сознании система понятий об общеобязательных нормах, правах, обязанностях, запретах, условиях их возникновения и реализации, порядке и формах защиты» [1]. В рамках данного подхода правопорядок начинается с формирования положительных установок правосознания людей и соответствующих поведенческих стереотипов следования им, поскольку правосознание личности наряду с нравственными нормами долженствования оказывает мотивационное воздействие на поведение людей и через социально-психологический механизм влияет на общественные и политико-правовые отношения.

Многочисленные исследования показывают, что в правовом сознании молодых людей сочетаются готовность к законопослушности и готовность нарушить закон в силу ценностных установок или ради личной выгоды, ожидание неукоснительного

исполнения законов по отношению к ним и оправдание собственного противоправного поведения, правовой нигилизм и правовая неграмотность, незнание способов защиты своих социальных прав и законных интересов. По итогам проведенных автором в 1999–2001 гг. социологических опросов молодежи г. Саратова, большая часть респондентов не считали зазорным работать на должности, позволяющей брать взятки (60%), а каждый 9-й участник опроса даже ставил своей целью занять подобную должность (11%) [2]. Это поколение пришло на рынок труда, в том числе в бизнес и в органы власти, и спустя десять лет стало объектом социологических исследований, проведенных при участии автора Фондом «РОСС–XXI век» по теме «Коррупция и состояние правосознания населения» в рамках областной целевой программы «Противодействие коррупции в Саратовской области на 2007–2010 годы».

В ходе исследования производилось измерение отношения населения области и региональной элиты в лице экспертных групп к антикоррупционной политике руководства страны, а также определялся уровень гражданской ответственности и законопослушности населения. На вопрос анкеты «Как Вы считаете, в каких случаях можно нарушить закон?», только около трети респондентов выбрали нормативную правовую позицию «Законы нарушать нельзя ни по каким причинам и мотивам» (табл. 1).

Заметим, что более половины (53%) респондентов готовы в любой момент нарушить закон

по причине его нецелесообразности, поскольку он «несправедлив» (28%), «несовершенен» (12%) или «для пользы общего дела» (13%), то есть противоречит интересам общества. Студенческая молодежь в этом плане настроена еще более радикально: только седьмая часть (14%) считает, что закон нарушать нельзя, а почти две трети (67%) не считают целесообразным подчиняться «несправедливым» законам.

Подобные взгляды внешне выглядят нелепыми, нарушающими презумпцию целесообразности закона. Нецелесообразных законов и норм в принципе не должно быть, поскольку именно в праве выражается высшая социальная (общественная) целесообразность, а повсеместное отступление от требований закона по мотивам его несовершенства способно нанести значительный ущерб обществу и государственному правопорядку. По этому поводу профессор А.Ф. Черданцев отмечал: «Выгода отступления от законности для конкретного случая перекрывается огромным вредом расшатывания законности» [3]. Тем не менее налицо социологический факт противопоставления категорий «законности» и «целесообразности» в массовом народном

правосознании, особенно среди молодежной аудитории.

Социологические исследования также показывают, что значительная часть граждан вполне позитивно относится к тем или иным проявлениям коррупции в системе государственной службы [4].

В рамках названного исследования Фонда «РОСС–XXI век» студентам саратовских вузов был задан вопрос: «Как, по вашему мнению, должен поступать человек, когда его принуждают к взятке?» (табл. 2). Казалось бы, молодые граждане правового государства должны были бы квалифицированным большинством голосов продемонстрировать строгое соблюдение закона и дать соответствующие нормативные ответы: «уведомить правоохранительные органы», «заявить в вышестоящий орган», «не давать, заставить соблюдать закон». Однако абсолютное большинство студентов (78%) так или иначе подтвердили готовность к неправомерному решению проблемы: «дать (взятку), если нет иных способов решить вопрос» (32%), «дать, если цена вопроса дороже взятки» (31%), «обратиться к авторитетным знакомым» (14%). Лишь около четверти респон-

Таблица 1

Уровень гражданской ответственности и законопослушности

<i>«Как Вы считаете, в каких случаях можно нарушить закон?»</i>	Население области	Студенты, %
1. Можно нарушить закон, если он несправедлив, противоречит морали	28	38
2. Можно нарушить закон для пользы общего дела	13	13
3. Можно нарушить закон, если он несовершенен	12	16
4. Можно нарушить закон в личных интересах	13	19
5. Законы нарушать нельзя ни по каким причинам и мотивам	34	14

Таблица 2

Готовность к противодействию коррупции

<i>«Как бы Вы поступили в ситуации принуждения к взятке?»</i>	Население, %	Студенты, %
1. Заявить в вышестоящий орган	16	13
2. Уведомить правоохранительные органы	23	16
3. Обратиться к авторитетным знакомым	10	14
4. Обратиться в правозащитную организацию	10	9
5. Не давать, заставить соблюдать закон	25	22
6. Дать, если «цена вопроса» дороже взятки	24	31
7. Дать, если нет иных способов решить вопрос	34	32

дентов выразили готовность «не давать (взятку), заставить соблюдать закон» (22%) и 16% участников опроса уведомили бы о коррупционной ситуации правоохранные органы. В среднем среди населения за счет старших возрастных групп уровень правосознания по большинству перечисленных позиций несколько выше, чем у студентов высших учебных заведений. Например, в среднем по выборке каждый 4-й респондент готов уведомить правоохранные органы о принуждении к взятке (23%) и ни при каких обстоятельствах не даст взятку (25%).

Ключом к пониманию мотивации взяткодателя является все тот же принцип «целесообразности» дачи взятки для «решения вопроса». В марте 2010 г. в рамках названного выше исследования Фонда «РОСС–XXI век» респонденты были включены в состав фокус-групп, сформированных из студентов саратовских вузов по критерию рода получаемого образования (гуманитарные и технические специальности) и по признаку возможного включения в коррупционные практики (учащиеся первого и пятого курсов). В числе прочих участникам групп был задан вопрос: «Какие чувства, по вашему мнению, испытывают взяткодатели?». Большинство первокурсников затруднились с ответом. В то же время две трети пятикурсников признали, что это было «чувство удовлетворения от решения своей проблемы» (60%), около трети испытали «чувство брезгливости» (30%), остальные затруднились в описании своих чувств. Таким образом, почти две трети будущих молодых специалистов фактически выразили мнение, что готовы стать взяткодателями, поскольку взятки могут быть «целесообразными». Подобное распределение мнений свидетельствует, с одной стороны, о мозаичности молодежного правосознания, а с другой – о критическом или даже предельном уровне правового нигилизма, об угрозе перехода к крайней фазе деформации и перерождению правового сознания [5].

Массовая печать в качестве основной причины правового нигилизма часто называет генетическую предрасположенность россиян к правовому непослушанию, укорененную национальную идиосинкразию к закону и порядку. При этом уровень нигилизма характеризуется как практически неизменный, а качество правопорядка

связывается с жесткостью карательных средств. С этой точки зрения, россиянин был одинаково незаконопослушен и сегодня, и 50, и 100 лет назад, а тоталитарный правопорядок был прочнее современного правопорядка, потому что законы были многократно строже.

Эмоциональным или идеологическим правовым оценкам, встречающимся в массовой печати, необходимо противопоставить логику исторических фактов.

Вряд ли стоит отрицать, что подмена законности политической, идеологической или прагматической и обыденной целесообразностью имеет давние корни и сохранилась до наших дней. В периоды социально-экономических и политических трансформаций такая подмена, осуществляемая на уровне государственной власти, осуществлялась с грубыми нарушениями прав и свобод человека и гражданина, что в итоге пагубно сказывалось на развитии демократии и государственности в целом.

Истоки современного «триумфа нигилизма», очевидно, связаны с динамикой социальной трансформации советского общества. Экономический рост 50–60-х гг. актуализировал проблему выбора гражданином способов повышения своего материального благосостояния. Контент-анализ периодической печати и кинофильмов 70-х гг. XX в. позволяет установить, что уже тогда в самосознании молодежи, которая в 80–90-х гг. будет участвовать в «перестройке» и осуществлять радикальные социально-экономические преобразования, четко вырисовывались приоритеты престижности профессий, ориентированные не на производство, а на перераспределение материальных благ.

«Доперестроечное» поколение сравнивало уровень жизни обладателей интеллектуальных профессий, на чей престиж работала государственная пропаганда, и профессий, связанных с перераспределением материальных благ, и делало выводы в пользу последних. Например, подросток видел, что родители – инженеры или врачи – имеют в основном фиксированный заработок и вынуждены искать подработки, в сравнении с более высоким уровнем жизни продавца или госслужащего.

Искусственное разделение профессий на «пролетарские» и «нерабочие» при предоставле-

ние льгот и карьерных возможностей нарушало естественный ход профессиональной социализации молодежи, создавало дополнительные причины и поводы для социальных конфликтов. Распределение материальных благ и продвижение по службе определялось в значительной степени не законами и нормами, а политической номенклатурой и теневыми каналами. Пресса, литература, киноискусство 70–80-х гг. «между строк» показывали, что в существующих социально-экономических условиях легче всего обеспечить повышение качества жизни через «нетрудовые доходы», к которым относились взяточничество, воровство и перепродажа или незаконное использование общенародной государственной собственности.

Естественно, что данный обыденный стандарт установок сознания и поведенческих стереотипов молодежь 80-х гг. воспринимала как руководство к действию, а соответствующий тип правосознания и отношение к праву передала своим детям, то есть нынешнему молодому поколению россиян.

Однако в советский период та же идеологическая система, которая ставила целесообразность идеологического подхода над законностью, сдерживала рост правового нигилизма комплексом политических, идеологических, правовых и социокультурных противовесов. При помощи средств массовой информации произведений литературы и киноискусства обществу предлагались нормативные модели социализации, пропагандировались способы «решения вопросов» в существующем нравственно-правовом поле. Разветвленная система социальных лифтов не связывала карьерный рост исключительно с покупкой должности, профильное образование было залогом жизненного успеха для миллионов советских людей. Пилотный контент-анализ прессы, литературы и кинопродукции советского периода показывает, с учетом идеологизированности средств массовой информации, достаточно высокий уровень доверия к правоохранительным органам и готовности граждан помогать сохранению правопорядка, уверенность в целесообразности добиваться жизненного успеха, не нарушая законов.

В 1988–1993 гг. данная система политико-идеологических противовесов была разрушена,

произошла дезинтеграция норм и правил общепринятого поведения, приводящая к различным формам социальной патологии, к тому, что в социологии называется аномией. Средства массовой информации в этот переходный период от тоталитаризма к демократии стали одним из основных источников информации о способах и методах совершения преступлений; в явной и скрытой формах создавали стереотипы обыденности противозаконной деятельности предпринимателей, правоохранителей, органов судебной, исполнительной и представительной власти. Идеологическая функция институтов государства и общества была сведена к минимуму. Действуя в рамках параллельно существующих нормативно-ценностных систем, молодой россиянин рассматривал с точки зрения целесообразности для достижения жизненного успеха ценностные и нравственные ориентиры родителей, формальных и неформальных сообществ, стереотипы и нормы молодежных субкультур и т.п. В условиях отсутствия политико-идеологических и культурно-идеологических противовесов нарушения законности, готовность участвовать в коррупционных ситуациях и схемах стало казаться вполне целесообразным способом достижения карьерного роста и материального благополучия. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, большинство опрошенных заявляют о терпимом отношении к коррупции.

Как показали результаты наших исследований и проведенных фокус-групп, главными социальными причинами коррупции население видит не только в корыстном подходе чиновников (77%), но и в «низкой правовой культуре населения, незнании людьми норм и законов» (92%). Гражданин соглашается дать взятку, поскольку по линии наименьшего сопротивления идти проще, чем отстаивать свои гражданские права и законные интересы путем на основе знания норм права. По оценке респондентов, наиболее эффективными мерами противодействия коррупции в современной России являются «правовое воспитание и просвещение населения» (71%), «усиление общественного контроля над властью» (69%), «ужесточение правоохранительных мер» (51%).

Таким образом, формирование правовой культуры – комплексная проблема, в решении которой

должны участвовать институты государства и гражданского общества. Об этом же говорил, выступая 22 января 2008 г. на Гражданском форуме «Роль гражданских инициатив в развитии России в XXI веке», тогда еще первый вице-премьер Д.А. Медведев: «Повышение уровня правовой культуры – механизм реальной эволюции в направлении современного правового государства» [6]. Тем самым постулат известного русского философа И.А. Ильина о том, что «единственно верным путем ко всем реформам является постепенное воспитание правосознания» [7], приобретает новое значение и продолжение в условиях взятого Россией курса на модернизацию социально-экономической и общественно-политической жизни.

Список литературы

1. Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало-М, 2002.
2. Фурсов А.Л. Ценностные позиции и социальные ориентации саратовской студенческой молодежи // Российское общество в условиях социального кризиса: сб. науч. ст. – Саратов, 2001. – С. 103–106.
3. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – Екатеринбург, 1996. – С. 193.
4. Куракин А.В. Социально-правовая характеристика коррупции в системе государственной службы // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 11. – С. 7.
5. Баранов П.П., Русских В.В. Актуальные проблемы теории правосознания, правовой культуры и правового воспитания. – Ростов-н/Д, 1999. – С. 32–33.
6. Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru>
7. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. – М., 1994. – С. 149.

В редакцию материал поступил 21.10.10

Ключевые слова: антикоррупционное правосознание, социальные причины коррупции, взяточничество, молодежная среда.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ КОРРУПЦИОННЫХ ФАКТОРОВ – это положения нормативных правовых актов и их проектов, наиболее часто встречающиеся в правотворческой деятельности и отраженные в Постановлении Правительства РФ от 5 марта 2009 г. №196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции». Таковыми на сегодняшний день являются: а) факторы, связанные с реализацией полномочий органа государственной власти или органа местного самоуправления; б) факторы, связанные с наличием правовых пробелов; в) факторы системного характера.

Указанные группы коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах и их проектах встречаются в различных формах и дополняют друг друга, повышая в целом коррупциогенность нормативного правового акта или его проекта.